

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА КАК РЕЧЕВЕДЕНИЕ

Владимир Александрович Салимовский
профессор кафедры речевой коммуникации
Пермский государственный университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Salimovsky@rambler.ru

Развитие речеvedения рассматривается как процесс, обратный по отношению к логике поиска Ф. де Соссюром истинного предмета лингвистики. Он состоит в переориентации исследования с языка (*langue*) на речь (*parole*) и затем на многообразную и разнородную речевую деятельность (*langage*), а также ее результат – речевое произведение. Сопоставляются дефиниции стиля М.Н.Кожиной и К.Гаузенбласа. Раскрывается синтезирующий потенциал разработанной М.Н.Кожиной модели смысловой структуры научного текста. В концептуальный аппарат стилистического исследования вводится понятие речевого действия как языковой игры.

Ключевые слова: функциональная стилистика; речеvedение; речь; стиль; текст; смысловая структура текста; языковая игра.

1. Известный представитель французской школы дискурсного анализа Ж.-Ж.Куртин остроумно заметил, что при разработке понятия дискурса «надо быть лингвистом и одновременно перестать им быть» [Куртин 2002: 98]. Очевидно, это утверждение можно отнести не только к анализу дискурса, но и к другим направлениям современных речеvedческих исследований.

Прошло сто лет с тех пор, как Ф. де Соссюр прочитал в Женевском университете свои знаменитые лекции (1907-1911 гг.). Его теория, обретя после опубликования статус научной парадигмы, вскоре стала подвергаться критическому осмыслению. Если логика гениального швейцарского ученого состояла в отказе от исследования *речевой деятельности*, взятой в целом (*langage*), в исключении из рассмотрения *речи* (*parole*) и переходе к изучению имманентных свойств *языка* (*langue*), то начиная с работ Пражской школы вектор развития лингвистики постепенно стал менять свое направление, в конечном счете – на противоположное: от *langue* к *parole*, а с последней трети минувшего столетия (в исследованиях по стилистике, неориторике, теории речевой деятельности, лингвистике текста, лингвопрагматике, когнитивной лингвистике, дискурсному анализу, лингвокультурологии и др.) к *langage*, т.е. к многообразной и разнородной речевой деятельности, составляющей объект целого ряда наук.

2. Изменению парадигмы в языкознании, как известно, во многом способствовала стилистика. Если говорить о славянском ее направлении, о функциональной стилистике, то в ней переход от языка к речи стал господствующей тенденцией с середины 1960-х гг., когда и был введен термин *речеvedение*. «Функциональная стилистика, – писала в это время М.Н.Кожина, – это... такая дисциплина, которая исследует не столько язык, сколько речь, и поэтому можно было бы ее назвать “речеvedением”» [Кожина 1966: 13].

В настоящей статье мы выделим две фундаментальные идеи, эксплицированные в это время, и попытаемся проследить их влияние на складывающуюся в последующие десятилетия в стилистике проблематику. Одна из этих идей состоит в понимании функционального стиля как системно организованной разновидности речи, детерминированной комплексом экстралингвистических факторов, прежде всего видом общественной деятельности и формой сознания [Кожина 1966, 1968]. Другая идея заключается в истолковании стиля как одного из принципов интеграции коммуниката (текста) и в связи с этим в расширении границ стилистического исследования [Hausenblas 1967; 1968; 1972].

2.1. Изучение стилей как разновидностей речи, сложившихся в различных сферах общения, потребовало уточнения понятия «сфера общения». Оно было интерпретировано как единство вида деятельности и формы сознания [Кожина 1966: 16-17]. Эта трактовка экстралингвистическая.

тической основы речевых разновидностей восходит к ключевым положениям лингвистической философии раннего М.М.Бахтина и, на наш взгляд, определяет «стержень» предмета функциональной стилистики, инвариантную часть его содержания. М.М.Бахтин писал: «Внутри самой области знаков ... существуют глубокие различия: ведь сюда входят и художественный образ, и религиозный символ, и научная формула, и правовая норма и т.д. Каждая область идеологического творчества по-своему ориентируется в действительности и по-своему ее преломляет» [Бахтин 1993: 15]. Несколько забегаая вперед, отметим, что в те или иные периоды разработки общелингвистической теории, в зависимости от господствующей проблематики, функциональная стилистика изучала или потенциал используемых в стилиобразовании языковых средств, или закономерности их употребления, или стилевую специфику текста как единицы коммуникации. Но в любом случае анализ был сосредоточен на каких-то аспектах речевой деятельности *в той или иной его сфере*, т.е. в определенной области «знакового преломления действительности».

Изучение стилей как разновидностей речи окончательно порывало с принципами системно-структурной парадигмы, так как объектом рассмотрения становилась речь, в которой, вопреки взглядам Ф. де Соссюра, устанавливались социальные закономерности, а в анализ включались экстралингвистические факторы. Но при этом исследование оставалось *лингвистическим*, поскольку речь понималась как употребление языка, а не как единица языкового общения (текст, словесное произведение) и тем более не как само общение (межличностное и социальное взаимодействие) посредством языка. Внимание исследователей было сосредоточено на употреблении собственно языковых единиц – особенностях их выбора, повторения, размещения, комбинирования, трансформирования.

2.2. В 1960-е гг. сформировалась и опередившая свое время концепция К.Гаузенбласа [Hausenblas 1968]. Согласно ей, стилистика должна войти в состав науки о построении коммуниката (еще не сложившейся тогда лингвистики текста), которая, в свою очередь, включается в науку о человеческой коммуникации. Стилль, являясь одним из принципов интеграции коммуниката как целого, создается не только языковыми средствами, но также тематическими, употребление которых не определяется языковыми нормами, и тектоническими – приемами использования языковых и тематических единиц. Из этих положений следовало, что лингвистическое исследование стиля недостаточно, что оно

не в полной мере соответствует выделенному объекту.

Обосновав внутривидовый подход к изучению стиля, К.Гаузенблас поставил вопрос о его синтезе с концепцией экстралингвистической детерминированности речевых разновидностей: «Если исходным положением стилистики считать то, что стили ... зависят от определенных условий коммуникативного процесса, то целесообразно при классификации и характеристике стилей исходить из этих условий как стилеобразующих факторов с целью установления того, как они влияют на способы построения коммуникатов» [Гаузенблас 1967: 74-75]. Таким образом, актуальной стала проблема объединения «стилистики разновидностей употребления языка» и «стилистики коммуниката (текста)». Она остается насущной и сегодня, о чем, кстати, свидетельствует тот факт, что в современных вузовских учебниках по стилистике указанные два ее раздела обычно излагаются вне связи друг с другом.

3. Принципиальное решение этой проблемы предложила в 1990-е гг. М.Н.Кожина, разработав модель содержательного плана научного текста [Кожина 1996]. Выдвинутые ею положения требуют, на наш взгляд, осмысления при изучении тенденций развития современной стилистики.

В содержательно-смысловой структуре научного текста М.Н.Кожина различает:

- «уровень выраженности в тексте – в его функционально-семантической стороне – базовых экстралингвистических факторов (вид деятельности с соответствующей ему формой общественного сознания);
- уровень комплекса эпистемических факторов в единстве с коммуникативными, актуальными для данной сферы общения;
- уровень эксплицитного содержания конкретного произведения (авторской концепции)» [Кожина 1996: 87].

Первый из указанных уровней образуют объективируемые в тексте установки и нормы научного исследования как такового, предполагающие отвлечение от единичного и познание общего, существенного, закономерного, в связи с этим активизацию характерного для научной деятельности отвлеченно-обобщенного типа мышления. Это наиболее глубокий «пласт» в смысловой структуре текста.

Второй уровень, выделение которого предполагает меньшую степень абстракции, представлен структурами знания как продукта познавательно-коммуникативного процесса, в частности, реализацией фаз продуктивного мышления (от проблемной ситуации к проблеме, идее, гипотезе, доказательству гипотезы, выводу). Такие

эпистемические структуры составляют содержательную форму научного текста. Она реализуется на *третьем* уровне – в процессе экспликации авторской концепции.

Значение приведенной модели видится нам прежде всего в том, что она синтезирует представления об экстралингвистической детерминированности стиля с его текстовой (внутриструктурной) трактовкой. Этот синтез достигается благодаря выводу об относительности понятия «экстралингвистического»: «Знание как продукт познания, законы познавательной научной деятельности, отражательная деятельность сознания человека как творческий процесс – все это является не просто внешними факторами, влияющими на формирование смысловой стороны текста, но и содержательными компонентами самой смысловой структуры текста» [Кожина 1996: 85].

Нужно подчеркнуть, что распространение стилистического исследования как на речевую ткань произведения, так и на его содержательно-смысловую сторону, рассматриваемую под углом зрения объективации в ней духовной социокультурной деятельности (научной, художественной, религиозной и др.), сближает стилистику с науками об «идеологическом (знаковом) творчестве». Реализуется один из принципов бахтинской лингвистической философии: «...основы науковедения, литературоведения, религиоведения, науки о морали и пр. ... теснейшим образом сплетены с проблемами философии языка» [Бахтин 1993: 13].

4. В смысловой структуре научного текста, считает М.Н.Кожина, могут быть выделены и другие уровни, соответствующие иным значимым для стилиобразования экстралингвистическим факторам. В частности, ставится вопрос об уровне речевых актов [Кожина 1996: 88]. Останемся на нем.

Как известно, попытки включить понятие речевого акта в концептуальный аппарат стилистики сталкиваются с серьезными трудностями. Само это понятие, «опирающееся на глагольную лексику, применяемую для номинации речевых действий, предполагает иной, более высокий уровень обобщения – так сказать, алгебру коммуникации – и, вместе с тем, другой масштаб» [Долинин 1998: 43].

Примечательно, что Дж.Серль, типологизируя иллокутивные акты, отверг мысль Л.Витгенштейна о бесконечном разнообразии языковых игр. Расхождение во взглядах двух классиков лингвистической философии на состав и организацию речевых действий представляется закономерным. Ведь речевые акты соотношены с семантикой единиц лексической системы (глаголов речи), которые обозначают действия изоли-

рованно от деятельности, тогда как языковые игры определяются именно как «компоненты деятельности» (или «формы жизни») и одновременно как инструменты, с помощью которых реализуются меняющиеся цели коммуникации [Витгенштейн 1994: 90-91].

Примечательно, что Л.Витгенштейн, приводя примеры языковых игр, называет, в частности, речевые действия, являющиеся типичными компонентами научной деятельности: «выдвигать и проверять гипотезу», «представлять результаты некоторого эксперимента в таблицах и диаграммах» [Витгенштейн 1994: 90]. Мысль же об исторической динамике бесконечного множества языковых игр он иллюстрирует ссылкой на изменение в математике.

Представляется, что эти замечания Л.Витгенштейна имеют важное значение для адаптации понятия языковой игры к проблематике стилистических исследований. Действительно, если рассматривать языковую игру как компонент некоторого вида познавательно-коммуникативной деятельности, например научной, то мы, очевидно, получаем возможность в основных чертах описать соответствующую «сеть» языковых игр. На мысль об этом наводит тот факт, что в ряде науковедческих исследований абстрактно-обобщенная модель познавательного процесса детализируется. В результате в нем выделяется значительное число этапов, фаз, стадий [Майданов 1983: 105-115]. Пределом детализации становится фиксация отдельных языковых игр. Например, формулирование проблемы и ее построение рассматриваются как целый ряд действий (в терминах Л.Витгенштейна – языковых игр). Среди них: выдвижение центрального вопроса; фиксация того противоречия, которое легло в основу проблемы; предположительное описание ожидаемого результата; «расщепление» проблемы на подвопросы; локализация поля изучения и т.д. [Жариков 1976: 190-212].

Важно отметить, что отдельное научно-речевое произведение всегда реализует лишь какой-то «участок» познавательной структуры и соответственно какую-то последовательность языковых игр. Например, текст, цель которого – описать новый для науки объект, продуцируется в результате (1) фиксации характерных свойств изучаемого феномена, (2) его главнейших отличительных признаков, (3) определения его места в системе известных объектов. Языковыми играми, создающими сообщение об эмпирической закономерности причинно-следственного типа, являются: (1) фиксация данных опыта в разных исследуемых условиях, (2) ранжирование этих данных по возрастанию или убыванию признака, (3) утверждение о наличии эмпирической зако-

номерности. Каждый из текстотипов, или речевых жанров, научной коммуникации представлен некоторой системой языковых игр – в большинстве случаев относительно гибкой, допускающей вариативность элементов [Салимовский 1997; 2002].

Не будет, очевидно, ошибкой сказать, что генетическая структура научно-познавательного процесса в целом – это когнитивная основа содержательно-смысловой организации *сверхтекста* данной сферы общения [Купина, Битенская 1996]. Актуализация же отдельных звеньев этой структуры создает речевые жанры (или субжанры – компоненты интегральных текстов).

Итак, в модели смысловой структуры научного текста мы выделяем уровень языковых игр, формирующих речевые жанры. Он надстраивается над уровнем авторской концепции, которая всегда воплощается в какой-то жанровой форме.

Заметим, что этот вывод представляется значимым не только в теоретическом, но и в методическом отношении, так как языковые игры – «это исходные лингвистические формы, с которых начинается обучение языку путем включения обучаемого в определенные виды деятельности» [Грязнов 2004: 1042].

5. Общий подход к изучению в функциональной стилистике смысловой структуры научного текста, по-видимому, можно экстраполировать на другие коммуникативные сферы, в частности сферу искусства. Симптоматично, что уровни содержательной формы и авторской концепции традиционно исследуются в литературоведении. По аналогии с концепцией М.Н.Кожинной, очевидно, может быть выделен базовый по отношению к ним уровень выраженности в функционально-семантической стороне текста специфических установок и принципов художественной деятельности, которые, как известно, предполагают созерцание единичных предметов, постигаемых в их завершенности и целостности, активизацию конкретно-образного типа мышления. Возможно выделение и уровня языковых игр – таких, как образное воссоздание черт наружности человека, особенностей его поведения (движений, поз, жестов), широких природных пространств (пейзаж), переживаний героя через их внешние проявления и др.

Эта модель, как нам кажется, хорошо иллюстрирует тенденцию к стиранию строгих границ между функциональной стилистикой и науками «об идеологическом (знаковом) творчестве», в данном случае – литературоведением. Действительно, стилистика, ставя своей задачей изучение объективации в тексте того или иного вида духовной деятельности, например художественной, и обращаясь в связи с этим к содержательной

форме текста (феноменам мира произведения), а также к авторской концепции, явно входит в круг проблем литературоведения. Конечно, языковеды следуют традициям, сложившимся в своей науке: применяют ее методики, используют лингвистический понятийный аппарат (при все более широком включении в анализ и литературоведческих понятий), сосредоточиваются на языковой репрезентации смысловых признаков. Но при этом уже нет препятствий для изучения различных аспектов не только собственно речевой, но и содержательной формы литературно-художественного произведения.

Мысль о междисциплинарном характере функциональной стилистики высказывалась уже на этапе становления этой науки. Но тогда подчеркивалось, что речь идет о лингвистической науке, изучающей употребление именно языковых средств под влиянием экстралингвистических факторов (прежде всего вида деятельности и формы сознания). Теперь же, когда структуры духовной деятельности – научной, художественной, религиозной и др. – рассматриваются не как внешние детерминанты текста, а как формы его содержательно-смысловой организации (с поправкой на их модификацию, связанную с решением собственно коммуникативных задач) [Кожина 1996; Мишланов, Салимовский 2010], лингвистический – в строгом значении этого термина – аспект анализа стал лишь одним из существенных аспектов, наряду с другими, относящимися к ведению наук о различных видах духовного социокультурного творчества.

6. Как уже отмечалось, на этапе генезиса функционально-стилистической теории термин *речеведение* отражал смену предмета лингвистического изучения: им становилась не система языка, рассматриваемая в статике, а функционирование ее единиц под действием экстралингвистических факторов, т.е. речь. При этом понятие речи отграничивалось от понятия текста. Ср.: «Речь – последовательность знаков языка, организованная по его законам и в соответствии с потребностями выражаемой информации»; «текст – словесное, устное или письменное произведение, представляющее собой единство некоторого более или менее завершенного содержания (смысла) и речи, формирующей и выражающей это содержание» [Головин 1980: 13-14].

Развитие лингвистики текста постепенно привело к широкому пониманию речи как текстовой деятельности и ее результата – речевого произведения. Термины *речь* и *текст* (соответственно *речевая деятельность* и *текстовая деятельность*) стали употребляться как синонимичные. Характерна, например, такая дефиниция: «Под речью понимают как сам процесс говорения (ре-

чевую деятельность), так и его результат (речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом)» [Арутюнова 2000: 414].

Как видим, широкая трактовка речи охватывает всю совокупность явлений речевой деятельности (ср. понятие *langage*). Они и составляют объект современного *речеvedения*.

В последнее время предпринимаются попытки обоснования его целостности [Кожина 1998, 2003; Мишланов 1999; Шмелева 1997]. По мнению М.Н.Кожинной, «речевая деятельность человека, носителя языка, включает в себя все три ипостаси человека: как *homo sapiens* (человек мыслящий) ... как *homo loquens* (говорящий), как *homo agens* (действующий)». Речеведческие науки, ориентируясь на те или иные грани человеческой активности, «строятся на общем, едином фундаменте ... находятся под общим “зонтиком”» [Кожина 2003: 43]. При этом вопрос о границах лингвистического анализа остается открытым.

Своеобразие эпистемической ситуации в сегодняшнем речеvedении видится нам в том, что этот вопрос не ставится остро: исследователи, входя в новую объектную область, пользуются свободой сочетания теоретических представлений той лингвистической дисциплины, проблематику которой они разрабатывают, с представлениями смежных научных дисциплин. Сказанное относится и к функциональной стилистике. В последние годы она особенно тесно взаимодействует с лингвопрагматикой и когнитологией [Gajda 2001], что, на наш взгляд, объясняется характером проблематики, складывающейся при изучении воплощения различных видов духовной социокультурной деятельности в тексте как единице общения. Но в ходе этого взаимодействия предмет функциональной стилистики не утрачивает своей определенности, так как неизменной остается направленность данной науки на исследование способов преломления действительности в текстах различных сфер общения, описание в том или ином аспекте особенностей стилевой организации этих текстов.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Речь // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 414 – 416.
 Бахтин М.М. Под маской. Маска 3. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 192 с.
 Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч.1. 612 с.
 Гаузенблас К. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования // Вопросы языкознания. 1967, №5. С. 69-75.

Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высш. шк., 1980. 335 с.

Грязнов А.Ф. Языковые игры // Философия. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004. С. 1042.

Долинин К.А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. Сборник статей в честь профессора С.Г. Ильенко. СПб., 1998. С. 35-46.

Жариков Е.С. Научная проблема в условиях научно-технической революции // Творчество в научном познании. Минск: Наука и техника, 1976. С. 185-217.

Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1966. 213 с.

Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1968. 252 с.

Кожина М.Н. Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. Т. II, ч.1. С. 73-89.

Кожина М.Н. Речеведческий аспект теории языка // Stylistyka. VII. Opole, 1998. S. 5-31.

Кожина М.Н. Истоки и перспективы речеvedения // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып.3. С. 34-46.

Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994. С. 214-233.

Куртин Ж.-Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла. М.: Прогресс. С. 95-104.

Майданов А.С. Процесс научного творчества. М.: Наука, 1983. 207 с.

Мишланов В.А. Предмет речеvedения и его отношение к лингвистике // Речеvedение. Научно-методические тетради. Великий Новгород, 1999. №1. С. 16-23.

Мишланов В.А., Салимовский В.А. Диалогичность церковно-религиозных текстов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (в печати).

Салимовский В.А. Функционально-смысловое и стилистико-речевое варьирование научного текста // Stylistyka. VI. Opole, 1997. S. 285-300.

Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.

Шмелева Т.В. Речеvedение: в поисках теории // Stylistyka. VI. Opole, 1997. S. 301-313.

Gajda S. Stylistyka funkcjonalna, stylistyka pragmatyczna, stylistyka kognitywna... // Stylistyka

a pragmatyka. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001. S. 15-22.

Hausenblas K. Výstavba slovesných komunikátů a stylistika (K současnému stavu stylistického bádání slavistického) // Československé přednášky

pro VI. mezinárodní sjezd slavistů, Praha: 1968. S. 343-347.

Hausenblas K. Výstavba jazykových projevů a styl / Univ. Karlova. Praha, 1972. 184 s.

FUNCTIONAL STYLISTICS AS THEORY OF SPEECH

Vladimir A. Salimovsky

**Professor of Speech Communication Department
Perm State University**

The development of the theory of speech is considered as a process which is opposite to Ferdinand de Saussure's logic of search for the true subject of Linguistics. It is redirected from the language (*lingua*) to the speech (*parole*) analysis and then to the varied and heterogeneous speech activity (*langage*) and its result a piece of speech. The definitions of style suggested by M.N.Kozhina and K.Hausenblas are compared. Synthesizing potential of the developed by M.N.Kozhina model of the scientific text content structure is explained. The notion of speech action as a language game is introduced into the conceptual field of the stylistic research.

Key words: functional stylistics; theory of speech; speech; style; text; text content structure; language game.